

ЛЕВШИН И ВОЛЬТЕР

Г.Н. Ермоленко

Среди изобилия и разнообразия прозаических сочинений 1780-х гг. важное место занимали произведения, написанные в традиции вольтеровской философской повести. Обилие переводов и изданий повестей Вольтера свидетельствует об интересе к ним русского читателя.

На фоне подобной популярности вполне естественным было обращение к вольтеровской традиции русских прозаиков, работающих в жанре повести. С вольтеровской традицией связаны сатирический памфлет «Дворянин-философ» (1769) Ф. М. Дмитриева-Мамонова, повестей «Золотой прут» (1782) М. М. Хераскова, «Досадное пробуждение» (1783) и «Новейшее путешествие» (1784) В. А. Левшина, «Каллисфен» (1786) Д. И. Фонвизина.

Отношение к Вольтеру в России было противоречивым, восхищение на протяжении 1780-х годов сменялось осуждением. Подобную эволюцию претерпело и отношение к Вольтеру В. А. Левшина. Это заметно в «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме Вольтера на разрушение Лиссабона» (1788), в котором Левшин выглядит кающимся вольтерьянцем, колеблющимся между восхищением и осуждением в отношении своего бывшего кумира: «Я радуюсь, где нахожу устремление его против суеверства, но раскаиваюсь, что некогда одобрял я в нем те места, кои казались мне неопровергаемыми и кои нашел безрассудными, начав читать труд других добродетельных сочинителей».

После революции 1789 — 1794 гг. многие в России стали видеть ее идейные истоки в просветительской идеологии. По мере того как отношения России и наполеоновской Франции приобретали враждебный характер, отрицательное отношение Левшина к французской культуре и просветительской философии усиливалось. В конце 1806 г. он выступил с критикой просветительства в «Послании русского к французолюбцам вместо подарка в новый 1807 год». С позиций защитника патриархальных ценностей он осудил ниспровергателей, разрушающих устои общества и, обратившись к читателям, призвал защищать национальные русские традиции и бороться с чужебесием.

Сложное отношение к Вольтеру и разница во взглядах французского философа и русского писателя сказалась уже в повести Левшина «Новейшее путешествие» (1784) о путешествии на Луну изобретателя и мечтателя Нарсима. В описании Луны у Левшина присутствуют мотивы, сходные с просветительской утопией Вольтера в «Кандиде», где страна Эльдорадо изображена как воплощение

просветительских идеалов. Но при этом Левшин представляет концепцию идеального общества, отличную от вольтеровской.

Обитатели Луны, как жители Эльдорадо, не знают различий богатства и бедности, не ценят драгоценных камней и золота, не строят монастырей и не пресмыкаются перед тиранами. Но в отличие от вольтеровского царства философов Левшин нарисовал патриархальную утопию. В его идеальном государстве правят отцы семейств, люди живут кланами и добывают себе пропитание крестьянским трудом, а ложных реформаторов, которые пытаются навязать им новые порядки, изгоняют на темную сторону планеты, где те погибают с голоду, не умея работать. Во вторую часть повести автор вставил проповедь масонских взглядов и описание масонских обрядов.

Связь с вольтеровской традицией присутствует и в «Русских сказках», прежде всего в повести «Досадное пробуждение», предвосхитившей произведения Пушкина и Гоголя о бедном чиновнике. Она написана на сюжет вольтеровского «Кривого крючника».

В основе повести Вольтера лежит сюжет из «Сказок 1001 ночи», имеющий в знаменитом арабском цикле название «Рассказ о чистильщике и женщине». Арабские сказки были популярны во Франции первой половины XVIII в. Вольтер мог познакомиться с ними по известному французскому переводу, принадлежащему А. Галлану (12 томов перевода выходили с 1704 по 1717 г.). Сказка о чистильщике представляет собой притчу о женских нравах. Рассказ имеет рамочную композицию.

В эпизодах рамы речь идет о суде над паломником, осквернившим святыне места своей просьбой к Аллаху поссорить некую женщину с мужем и дать ему возможность провести с ней ночь. В основной части приговоренный к повешению преступник, оказавшийся чистильщиком скотобойни, вывозившим отбросы на свалку, рассказывает перед казнью о необычайном происшествии, случившемся с ним. В эпилоге судья, выслушав необыкновенную историю чистильщика, отпускает его с миром, простив ему кощунство его молитвы.

Основную часть рассказа составляет повествование о том, как однажды прекрасная женщина приказала слугам привести чистильщика в свои покои и провела с ним ночь, повторив затем свое приглашение еще 7 раз, после чего герою стало известно, что таким образом женщина мстила мужу за измену.

Основной интерес в арабской сказке сосредоточен на необычности интриги. Одним из центральных эпизодов является сцена пира, где появляется важный сюжетный мотив опьянения и сна (на пиру чистильщик, вкушая изысканные вина, слушая «напевы струн», вдыхая запах благовоний и прижимая к груди красавицу хозяйку, воображал себя во сне или в раю). О чувствах героя сказано также, что его поразила красота женщины и сумма денег, которыми она его наградила, а то, что

она не погнушалась им, исторгло из его глаз слезы. На любовную страсть в рассказе нет прямых указаний.

Вольтер приспособливает сюжет арабской сказки к проблематике своих философских повестей. При этом сохраняются основные сюжетные мотивы, но существенно меняется смысл. В новой интерпретации повествование по-прежнему имеет характер притчи, но сюжет введен в круг моральных проблем просветительской философии. Автор иронизирует по поводу стоической мудрости, предписывающей человеку довольствоваться тем, что он имеет, и по поводу упорной веры людей в возможность счастья, несмотря на пропасть, отделяющую реальность от мечты.

Повесть, как и арабская сказка, имеет рамочную композицию, но рама приобретает новую функцию: она вводит сюжет в контекст философских размышлений автора-повествователя.

Повесть выдержана в восточном колорите: действие происходит в Багдаде, герой носит тюрбан и восточное имя и молится Магомету. Приспосабливая повесть ко вкусам публики, Вольтер придал ей черты «сказки фей». При этом он проделал две основные операции, радикальным образом трансформировавшие старинный сюжет: основная сюжетная ситуация – бедняк-любовник в доме богатой и знатной женщины – из реального плана была перенесена в ирреальный, а второстепенный мотив опьянения героя стал ведущим мотивом, создающим поворотную сюжетную ситуацию.

В повести представлены, как и в арабской сказке, два контрастных персонажа: крючник Мезрур и принцесса Мелинда. Контраст подчеркнут описанием внешнего вида персонажей. Детали внешности героев присутствовали и в «Рассказе о чистильщике», но были чрезвычайно лаконичны. О женщине было сказано, что она «подобна ветви ивы или жаждущей газели», «совершенна по красоте, изяществу и изнеженности», в момент прощанья она метнула в сердце чистильщику «стрелы своих глаз». О чистильщике сообщается, что он грязен, одет в лохмотья, и от него исходит запах грязи.

Вольтер более подробно останавливается на внешнем виде героев. Мезрур в начале своих приключений одет в коричневую блузу, «усеянную пятнами, всю в дырах и заплатках, причем заплатки приходились между дыр, а не прикрывали их, что было бы уместнее», он рассматривает свои «узловатые, мозолистые руки», его черная грива, жесткая и курчавая, «украшена рваным тюрбаном». У Мелинды «маленькие ручки, белые и нежные, как лилии», платье «из легкой серебристой ткани, увитое цветочными гирляндами, которое подчеркивало красоту ее стана», белокурые волосы, «частью заплетенные в высоко уложенные косы, частью завитые в длинные локоны» и «покрытые прозрачной вуалью».

Тема любви, на которую арабская сказка только намекает, у Вольтера

становится главной. Пародируя любовный роман, автор ускоряет обычный ход событий. В течение первой встречи герои проходят через все этапы взаимоотношений влюбленных. Мезрур влюбляется в проезжающую мимо в карете принцессу, бежит за ее экипажем, спасает ей жизнь над пропастью и дает волю своей страсти, когда утомленная Мелинда не выдерживает испытаний пешего пути и падает без сознания.

Эротические мотивы у Вольтера акцентируются. Центральным становится эпизод любовного экстаза героя, который превращает его в прекрасного принца. Роль упомянутого рассказчиком таинственного перстня Соломона, открывающего двери к чудесным сокровищам, в повести Вольтера играет любовь, преображающая Мезрура. Наградой за любовь становится сказочный дворец, где влюбленные наслаждаются обществом друг друга.

В финале происходит резкая перемена обстоятельств. Неожиданно для читателя вся феерия оказывается лишь сном, который привиделся пьяному Мезруру, заснувшему под чужим окном. В эпилоге иронический рассказчик подчеркивает абсурдность надежд героя, который и после того, как из окна его окатили водой, и он проснулся нищим, как прежде, не пал духом и продолжал верить, что сможет употребить заработанные деньги на то, чтобы вновь обрести «утраченную Мелинду».

В «Русских сказках» Левшина трансформация бродячего сюжета завершается. В «Досадном пробуждении» имеется целый ряд мотивов и композиционных приемов, которые указывают на связь повести с сочинением Вольтера. Она также имеет кольцевую композицию, начинается с пролога, в котором автор-повествователь предается отвлеченным рассуждениям, и заканчивается эпилогом, возвращающим героя и читателя к реальности. Основные события, как у Вольтера, ирреальны и происходят с героем во сне.

Изменение претерпевает тематика повести. На первый план выдвигается не морально-философская, а социальная проблематика. Это заметно уже в прологе, который посвящен, в отличие от вольтеровского, теме несправедливости судьбы и природы, щедро наделяющих своими дарами одних и обделяющих ими других.

На Левшина сильное влияние оказывает традиция русской комической литературы от Сумарокова до Чулкова и от Новикова до Фонвизина. В соответствии с этой традицией своего героя Левшин изображает более натуралично и гротескно, чем Вольтер, насыщая описание его внешности и образа жизни многими узнаваемыми подробностями.

Главный персонаж повести Левшина, подьячий Брагин, фигура совершенно прозаическая, в отличие от вольтеровского экзотического любовника Мезрура. Он наделен чертами весьма распространенного в русской жизни типа пьяницы-подьячего, бывшего «уже лет с пять всегда с похмелья». Детали портрета героя, как

было принято выражаться в XVIII в., «списаны с природы»: «багровый и угреватый нос», «сывороточно-серые глаза», «синеватые и опухшие губы», «щербатые» зубы, «навислые» брови, «замасленный синий, с зелеными заплатами кафтан». Очевидно, что Левшин соревнуется с Вольтером, переводя лаконичные детали французской повести на сочный, колоритный язык русской комической прозы в традиции гротескной комики Сумарокова и Чулкова.

К числу сюжетных совпадений относятся основные сцены явления красавицы перед подьячим Брагиным, сравнительного описания портрета героев, обморока девицы (повествователь у Левшина, как и у Вольтера, намекает, что обморок был притворным), путь влюбленных к чудесному дворцу, где их поджидал роскошный пир. На эротические мотивы Левшин лишь намекает, изображая вместо любовного экстаза героя любовное преследование. Эпilog имеет более грубый, гротескный характер, чем в вольтеровской повести: окрик дозорного прерывает сон героя, и тот видит себя валяющимся в луже и обнимающим за ногу свинью.

Левшинская повесть занимает больший объем, чем вольтеровская. В сюжет включены два эпизода, отсутствующие в источнике: аллегорическая сцена явления Брагину богини счастья, которая дарит ему «очарованную шапку», исполняющую желания, и описание гостей на пиру в чудесном дворце. Обе сцены развивают социальную тему повести.

В первой из них автор прибегает к сатирической публицистике. Богиня заставляет Брагина составлять челобитную с жалобой на обогащающихся несправедливым путем чиновников. Содержание и форма челобитной напоминают напечатанные в «Собеседнике любителей русского слова» в начале 1780-х гг. (в III и IV частях) «Челобитную российской Минерве от российских писателей» и «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» Д. И. Фонвизина.

Вторая сцена содержит ироническую «классификацию» искателей счастья, среди которых автор выделяет «ироев», «добродетельных», «набожных» и «наглых забияк». Успеха добиваются только последние, расхватывающие дары судьбы, предназначенные другим, «ирои» же используются только для усмирения беспорядков.

Две названные сцены наглядно демонстрируют связь искусства Левшина с традицией русской сатирической литературы и с эстетикой классицизма. В то же время, развивая в рассказе тему маленького человека, Левшин опережает свое время и вносит существенный вклад в развитие русской прозы. В повести «Досадное пробуждение», как и в знаменитой «Повести о новомодном дворянине», проявляется ускоренная динамика развития повествовательного искусства последней четверти XVIII в., и значительную роль играет при этом опора на традицию вольтеровской философской повести.